

Громько Сергей Александрович

КООПЕРАЦИЯ И КОНФРОНТАЦИЯ В ПАРЛАМЕНТСКИХ РЕЧАХ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ П. А. КРУШЕВАНА)

В статье на материале парламентских речей анализируется риторический портрет известного политика-националиста начала XX века П. А. Крушевана. Устанавливаются черты речевой кооперации: "мы-подход", обращение к аудитории, самооправдание, эвфемизация. Анализируется соотношение речевой кооперации к установкой на конфронтацию, которая проявляется в употреблении сниженной лексики по отношению к оппонентам и присвоении статуса представителя воли народа. Делается вывод о влиянии институциональных ограничений на выступления ораторов-радикалов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 70-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 808.53

В статье на материале парламентских речей анализируется риторический портрет известного политика-националиста начала XX века П. А. Крушевана. Устанавливаются черты речевой кооперации: «мы-подход», обращение к аудитории, самооправдание, эвфемизация. Анализируется соотношение речевой кооперации с установкой на конфронтацию, которая проявляется в употреблении сниженной лексики по отношению к оппонентам и присвоении статуса представителя воли народа. Делается вывод о влиянии институциональных ограничений на выступления ораторов-радикалов.

Ключевые слова и фразы: парламентская риторика; Государственная дума; П. А. Крушеван; националисты; политическая дискуссия; эвфемизмы.

Громько Сергей Александрович, к. филол. н., доцент
Вологодский государственный университет
ling2007@yandex.ru

КООПЕРАЦИЯ И КОНФРОНТАЦИЯ В ПАРЛАМЕНТСКИХ РЕЧАХ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ П. А. КРУШЕВАНА)

*Работа выполнена при финансовой поддержке российского гуманитарного научного фонда.
Проект № 16-34-01050 «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы
(на материале публичных дискуссий начала XX века)».*

Русский парламентский дискурс начала XX века, включающий в себя дискуссии в Государственной думе, Государственном совете, а также в городских думах, отличается неоднородностью, стилистической и риторической разноплановостью [3, с. 131; 4, с. 82-91]. В первую очередь это было связано с активным формированием русского парламентского красноречия, развитием представлений как общества, так и самих депутатов о том, какой должна быть парламентская дискуссия и парламентская речь в целом.

В Первой Государственной думе 1906 года выбор средств речевого воздействия зависел в большей мере от сословной принадлежности оратора либо его профессиональной деятельности. Так, например, в Первой думе речи депутатов-крестьян, священников, дворян, юристов, ученых, рабочих в основном резко отличались друг от друга [4]. Во Второй думе ситуация резко меняется, так как впервые институциональную «прописку» в российской власти получают радикальные политические силы, как левые, так и правые. С 1907 года можно проследить зависимость выбора инвентаря средств речевого воздействия от политической принадлежности оратора, так как у партий появляется своя речевая стилистика, свой риторический почерк. Большой научный интерес представляют прагматика и аргументация депутатов-националистов. В первом приближении оказывается, что их речь в институтах власти резко отличается от выступлений на черносотенных собраниях, совещаниях, от тона статей в радикальной прессе и уж тем более от выступлений современных маргинальных националистов.

В 1907 году впервые в парламент прошли и некоторые одиозные политики, среди которых особенно выделялся Паволакий Александрович Крушеван. К этому времени Крушевана во многих газетах называли не иначе как «погромщик», «антисемит», «экстремист», «предводитель погромных банд» [5, с. 5]. В общественном мнении Крушевану отводилась роль подстрекателя в кишиневском погроме 1903 года.

Крушеван был профессиональным журналистом: в 1896 году в Кишиневе он основал газету «Бессарабец», которая действительно сыграла отрицательную роль в кишиневском погроме, а с конца 1903 года в Петербурге издавал газету «Знамя», в которой первым опубликовал знаменитые «Протоколы сионских мудрецов». Крушеван был известен как активный черносотенец, русский националист, монархист. Его избрание в Думу вызвало резкое возмущение у либеральной общественности, а появление на первом заседании парламента стало настоящим событием: «Первое же его появление в думском зале вызвало настоящую сенсацию среди народных представителей: газеты описывали шум, смешки и бесконечные перешептывания не левых скамьях. На Крушевана чуть ли не тыкали пальцами, приглашая посмотреть как на некое диво» [6, с. 96-97].

Депутаты и журналисты с нетерпением ожидали от лидера черносотенцев агрессивных выступлений, думских скандалов и постоянных антисемитских высказываний, однако Крушеван их ожиданий не оправдал. Им было произнесено всего четыре развернутых выступления с трибуны в марте 1907 года, при чем только в двух из них присутствует упоминание евреев. Историки связывают такую «пассивность» Крушевана с тем, что политик в условиях травли со стороны либеральной печати начал вести себя осторожнее, стремясь не давать газетам лишнего повода для насмешек и фельетонов [7, с. 131]. Думается, что это лишь одна из причин. Так как сам формат публичной политической дискуссии в институте власти был для Крушевана сравнительно новым, произнесение речи перед представителями народа и перед всей Россией заставило оратора-националиста по-новому подойти к своим выступлениям.

Темы дискуссий, в которых принял участие Крушеван в качестве оратора с трибуны, показательны: 6 марта он выступал в поддержку правительственной декларации Столыпина, 7 марта по вопросу предоставления

помощи голодающим, 12 марта об отмене закона о военно-полевых судах, 27 марта принял участие в обсуждении бюджетной росписи. Последняя речь очень объемна, обстоятельна, и Крушеван предстает в ней скорее как экономист, чем яростный публицист.

В выступлениях Крушевана обращает на себя внимание наличие двух разнонаправленных тенденций: тенденции к кооперации и к конфронтации. И если последняя, казалось бы, вполне закономерна для речи любого политика-радикала, то с кооперацией все сложнее: во-первых, мало кто ожидал, что речь лидера черносотенцев будет ориентирована на сотрудничество, а во-вторых, конвенциональная коммуникативная направленность свидетельствует о наличии у оратора неких конструктивных политических взглядов. Представляет интерес и взаимоотношение этих двух коммуникативных установок в выступлениях одного человека.

Под кооперацией в данной статье мы понимаем различного рода речевые средства, направленные на то, чтобы продемонстрировать аудитории готовность к сотрудничеству, к совместной речевой и политической деятельности. Это разнообразные сигналы конвенциональности, которые оратор посылает в первую очередь политическим противникам в парламенте. Термин «кооперация» мы заимствуем у Г. П. Грайса практически в том же значении, в котором он используется в знаменитой дефиниции «принцип кооперации» [2], с той лишь оговоркой, что говорим не о логической основе любого речевого акта, а о риторических средствах достижения политического диалога.

В основе кооперациональной направленности речей Крушевана лежит «мы-подход». При этом местоимение «мы» оратор использует как в значении «все депутаты Государственной думы» или «все подданные Российского государства», так и в значении «правые монархисты». Например: 1) «Мы перед лицом мира, и я повторяю и могу повторить еще громче: ответственность, которую мы несем сейчас, мы ее несем не только перед нашей родиной, а перед всем человечеством, потому что никогда в жизни ни одного народа не совершалось такого позора, такого оскорбления жизни, какое совершается сейчас у нас» [1, с. 233]. 2) «А мы отвечаем: мы, правые, народом призваны, и в этом наше право, потому что ни один народ, который верит в свою родину, ни один народ, который создал великую Россию, никогда того позора и ужаса, который мы теперь переживаем, переживать не пожелает» [Там же, с. 235]. Второй случай использования местоимения «мы» особенно интересен, так как в одном предложении сочетаются объединительная и выделительная функции.

К этому приему примыкает и другое проявление кооперации – активное обращение оратора к аудитории как с вопросами, так и с обращениями. Диалогичность можно увидеть в частом употреблении местоимения «вы» применительно ко всем слушателям-депутатам: «Вам известна моя деятельность... 25 лет моей работы были посвящены бескорыстному служению русскому народу, служению, которое лично мне ничего не дало» [Там же, с. 233]; «Среди вас есть такая масса людей, готовых приносить себя в жертву народу и освободить этот народ, что, мне казалось бы, в этом отношении вы должны бы всей душой откликнуться на другое решение этого вопроса» [Там же, с. 234]. Примечательно, что приведенные в пример высказывания не включены в антитетические единства и бинарные оппозиции типа «вы говорите – я возражаю», которые являются типичными проявлениями конфронтационных стратегий [4, с. 85]. Наоборот, оратор апеллирует к знаниям парламентариев и к их нравственным качествам, тем самым показывая готовность учитывать мнение слушателей.

Интерес представляет и использованный несколько раз в разных выступлениях речевой ход разрушения негативного стереотипного представления об ораторе. Суть его заключается в попытке убедить Думу в своей искренности и политической чистоте. Особенно важно, что эти попытки сопровождаются непосредственным обращением к депутатам. «Господа, я не сомневаюсь относительно того, что, может быть, у многих из вас является сомнение относительно верности высказанного мною; вы можете подумать, не есть ли это попытка с моей стороны лавировать, или заигрывать, или что-нибудь подобное. Я говорю не от имени той партии, к которой имею честь принадлежать, я вошел сюда, в этот храм свободы, не для того, чтобы заигрывать. Я высказываю свое мнение, как то велит мне долг русского гражданина, который прежде всего и всегда должен с честью нести национальное достоинство своего народа» [1, с. 378]. Поводом к подобным высказываниям послужила неожиданная позиция Крушевана по ряду вопросов, обсуждавшихся в Думе. Например, он обескуражил политических оппонентов, выступив за отмену военно-полевых судов. Не менее странным для лидера черносотенного движения было демонстративно негативное отношение к любому кровопролитию, что, впрочем, объяснялось неприятием революции.

Большую роль в установке на кооперацию в речах Крушевана играла эвфемизация. Например, вместо националистического штампа «лживая еврейская печать» политик произносит фразу «О, если бы только тут действительно была эта правда, если бы не та печать, нерусская, которая, муссируя общественное мнение, заполняет всякой ложью народную душу, одурачила народ, если бы не это, вы увидели бы и услышали здесь совершенно другое» [Там же, с. 233-334]. Вместе с тем в ряде случаев Крушеван нарочито не использует эвфемизмы там, где они только что прозвучали, и обозначает объект агрессии в традициях неинституциональных выступлений черносотенцев. Это происходило в тех случаях, когда насмешливые реплики аудитории выводили оратора из себя: «Вам известна моя деятельность. (Смех слева, аплодисменты справа.) Не в том извращенном виде, о котором вы составили себе представление по лживой еврейской печати» [Там же, с. 233]. В этом случае необходимо уже говорить о тенденции к конфронтации.

Под конфронтацией в парламентской речи мы понимаем широкий спектр речевых маркеров, выражающих неприятие оратором высказываний и поступков своих оппонентов и содержащих их негативную оценку. Сюда относятся и высказывания, направленные на понижение политического статуса адресата: обвинения, оскорбления, насмешки и т.п. Проявления конфронтации в выступлениях П. А. Крушевана достаточно яркие,

но однообразные. Это несколько эмоциональных вспышек, связанных, как правило, с провокационными высказываниями с места политических противников. Реакция на эти выкрики у Крушевана чаще всего была одна и та же – использование сниженной лексики для характеристики оппонентов, что, в свою очередь, вызывало возмущение парламентариев: «За десять лет существования газеты я собрал полмиллиона в пользу тех же голодающих, о которых вы здесь *болтаете*. (Голоса: “К порядку!” Протестующие возгласы.)» [Там же, с. 378].

Визитной карточкой Крушевана стало ироническое переосмысление введенного в оборот еще в первом русском парламенте обращения к депутатам «господа народные представители». Оратор использовал это выражение в тех случаях, когда хотел показать свое сомнение в искренности намерений депутатов и их пользе для народа: «Только их [военно-полевых судов] отмена даст право крестьянам устоять в борьбе с эксплуататорами, с теми эксплуататорами, которые прекрасно заставляют молчать печать о действительном положении народа, да и вас, господа представители интересов народа» [Там же, с. 379]. Под эксплуататорами Крушеван понимал в первую очередь евреев: «Вот откуда идет это движение, так называемое аграрное, которое, в сущности, имеет другой смысл – закабаление народа его эксплуататорами, среди которых главную роль играют евреи» [Там же, с. 378]. Несмотря на частую эвфемизацию, оратор-националист не мог обойти в своих речах еврейский вопрос, что, конечно же, не способствовало повышению конвенциональности его выступлений.

Обращает на себя внимание и присутствие в выступлениях лидера черносотенного движения активного использованного еще в Первой Государственной думе приема народной легитимизации. Суть данного речевого хода заключается в том, что оратор подчеркивает, что именно он является выразителем мнения народа, а иногда даже как бы цитирует народ и говорит от его имени. Конфронтационность данного приема достаточно высока: большинство парламентариев, используя народную легитимизацию в своих выступлениях, подчеркивали свое исключительное право на выражение мнения избирателей и отказывали в таком же статусе политическим оппонентам. «Я предполагал сейчас говорить о другом, но говорю с чувством гордости и с чувством веры, что я действительно являюсь выразителем воли русского народа, и вы завтра об этом услышите. Я говорю, народ прислал меня и сказал: обратитесь к Думе, просите, чтобы она высказала свое порицание тем способам борьбы, которые ведут люди, уверяющие, что они нам желают добра, тогда как мы верим, что для этого есть один единственный путь – мирная культурная работа» [Там же, с. 234].

Риторический портрет П. А. Крушевана интересен тем, что всего в четырех думских выступлениях ярко проявились разнонаправленные тенденции к кооперации и конфронтации. При этом риторические маркеры кооперации более разнообразны и неожиданны. Особенно интересны приемы эвфемизации и самооправдания. Крушеван не стал инициатором или участником думских скандалов, как этого от него ожидали самые разные политические силы и особенно журналисты. Произнесение речи перед представителями народа и перед всей Россией заставило оратора-националиста по-новому подойти к своим выступлениям – институциональные ограничения, накладываемые парламентом на высказывания депутатов, становились все сильнее. В то же время национализм как политическая платформа не давал возможности Крушевану перейти к политическому диалогу с большей частью Государственной думы.

Список литературы

1. Государственная дума. Созыв второй: стенографические отчеты. СПб.: Государственная типография, 1907. Сессия вторая. Т. 1. Заседания 1-30. 2344 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 217-237.
3. Грановская Л. М. Риторика / под ред. В. А. Плотниковой. М.: Азбуковник, 2004. 218 с.
4. Громько С. А. Язык российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 82-91.
5. Крушеван П. А. Знамя России / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2015. 720 с.
6. Некрасов Н. В. В ожидании скандала: депутат II Государственной думы П. А. Крушеван в зеркале периодической печати // Герценовские чтения 2012. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 90-107.
7. Шорников И. П. «Христианский социализм» П. А. Крушевана // Русин. 2008. № 1-2 (11-12). С. 130-140.

COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE RUSSIAN NATIONALISTS' PARLIAMENTARY SPEECHES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF P. A. KRUSHEVAN'S SPEECHES)

Gromyko Sergei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vologda State University
ling2007@yandex.ru

The article by the material of parliamentary speeches analyzes the rhetorical portrait of the famous politician-nationalist of the beginning of the XX century P. A. Krushevan. The author identifies the features of verbal cooperation: “we-approach”, addressing the audience, self-justification, euphemization. The paper analyzes the correlation of verbal cooperation with a tendency to confrontation which manifests itself in the usage of low vocabulary regarding the opponents and appropriation of a national voice status. The researcher concludes on the influence of institutional restrictions on the orators-radicals' speeches.

Key words and phrases: parliamentary rhetoric; State Duma; P. A. Krushevan; nationalists; political discussion; euphemisms.